

DOI: <https://doi.org/10.47344/84mt9c19>

MPHTI: 10.27.41

Недействительность сделок, совершенных с пороком воли

Жэмила Келденбаева

Помощник нотариуса, Туркестан, Казахстан

email: 251401001@sdu.edu.kz

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию института недействительности сделок, совершённых с пороком воли, — одному из наиболее практически значимых и вместе с тем недостаточно разработанных направлений гражданского права Казахстана. В работе анализируются основные виды пороков воли, предусмотренные пунктом 9 статьи 159 Гражданского кодекса Республики Казахстан: обман, насилие, угроза и кабальные условия. Особое место занимает исследование проблемы признания сделки недействительной в связи с правомерной угрозой — то есть угрозой совершить действия, которые сами по себе не являются незаконными. Именно этот вопрос остаётся наименее изученным как в казахстанской правовой доктрине, так и в судебной практике. На основе анализа норм действующего законодательства, доктринальных источников и материалов судебной практики в статье предлагаются критерии разграничения допустимого переговорного давления и недобросовестной угрозы. Сформулированы конкретные рекомендации по совершенствованию нормативного регулирования и правоприменительной практики в данной сфере. Результаты исследования имеют практическую ценность для юристов, судей и участников гражданского оборота.

Ключевые слова: недействительность сделок; порок воли; угроза; правомерная угроза; кабальная сделка; оспоримые сделки.

Введение

Гражданский оборот строится на сделках. Каждый день миллионы людей подписывают договоры, принимают на себя обязательства, передают имущество — и все это с опорой на то, что их решения являются свободными и осознанными. Свобода воли — это не просто декларативный принцип: это один из фундаментальных начал частного права, закрепленный в пункте 2 статьи 2 Гражданского кодекса Республики Казахстан (ГК РК, 1994). Согласно ему граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Автономия воли является не только конститутивным признаком сделки как волевого акта, но и непременным условием её действительности.

Вместе с тем в реальной жизни эта свобода нередко нарушается. Человека могут обмануть, запугать, применить к нему физическое или психологическое давление, воспользоваться его беспомощным положением. Во всех этих случаях говорят о сделке с пороком воли — то есть о сделке, при совершении которой воля лица была деформирована внешним воздействием. Закон в таких ситуациях предоставляет пострадавшему право оспорить сделку в суде и добиться её признания недействительной. Тем самым правопорядок стремится восстановить справедливое положение дел, нарушенное вследствие

недобросовестных действий другой стороны.

Актуальность темы обусловлена рядом факторов. Во-первых, в условиях динамичного развития рыночной экономики Казахстана число сделок, заключаемых в сфере предпринимательского оборота, постоянно растет. Вместе с этим растёт и число конфликтных ситуаций, в которых стороны прибегают к различным формам давления. Во-вторых, Казахстан последовательно интегрируется в международные экономические структуры – прежде всего в ЕАЭС – и стремится привести свое гражданское законодательство в соответствие с лучшими международными стандартами. В этом контексте анализ механизмов защиты автономии воли приобретает новую практическую значимость. В-третьих, казахстанская судебная практика по отдельным видам пороков воли – прежде всего по правомерной угрозе – по-прежнему не сложилась, что порождает правовую неопределённость как для участников оборота, так и для правоприменителей.

Рост числа корпоративных конфликтов, усиление конкурентного давления в бизнесе, сложные переговорные ситуации – все это создает почву для давления на участников сделок. При этом далеко не всегда такое давление принимает явно незаконные формы. Всё чаще встречаются ситуации, когда одна сторона угрожает другой совершить вполне законные действия – например, обратиться в суд, сообщить о нарушениях в контролирующие органы или использовать иные правовые инструменты, – но делает это исключительно с целью вынудить контрагента подписать невыгодный договор.

Именно в этом заключается один из центральных исследовательских вопросов настоящей статьи: может ли правомерная угроза – то есть угроза совершить действия, не запрещённые законом, – служить основанием для признания сделки недействительной? Этот вопрос остаётся открытым как в казахстанской правовой доктрине, так и в судебной практике. Как констатирует Сулейменов (2024), в Казахстане фактически отсутствуют как специальные научные исследования, так и сколько-нибудь значимая судебная практика по данной проблеме.

Второй исследовательский вопрос – более широкий: каковы общие правовые основания и условия признания сделок с пороком воли недействительными по казахстанскому праву, и насколько действующее регулирование отвечает современным вызовам?

Гипотеза исследования состоит в следующем: правомерная угроза при определённых условиях должна признаваться основанием недействительности сделки, поскольку она, несмотря на внешнюю законность угрожаемых действий, нарушает автономию воли другой стороны так же, как и угроза незаконными действиями. Критерием для разграничения допустимого переговорного давления и недопустимой правомерной угрозы должен служить принцип добросовестности.

Цель статьи – системно проанализировать институт недействительности сделок с пороком воли, уделив особое внимание проблеме правомерной угрозы, и выработать практически применимые рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменения. В соответствии с этой целью статья построена следующим образом: после обзора литературы и описания методологии следуют основные результаты исследования, включающие анализ каждого вида порока воли и системный разбор проблемы правомерной угрозы, затем – раздел обсуждения и заключение с практическими рекомендациями.

Обзор литературы

Проблематика недействительности сделок с пороком воли имеет долгую историю в правовой науке. Тем не менее ряд ее аспектов по сей день остаётся дискуссионным и недостаточно освещённым – особенно применительно к казахстанскому праву. Изложение строится по принципу внутренней иерархии: от историко-теоретических и советских основ учения о сделке – через современную российскую доктрину – к казахстанской цивилистике как наиболее специфичной для темы статьи и далее к зарубежному сравнительно-правовому материалу. Такая последовательность позволяет наглядно показать тот пробел, на восполнение которого направлено настоящее исследование, – отсутствие системного анализа критериев правомерной угрозы применительно к казахстанскому праву.

Историческую основу понимания пороков воли заложила дореволюционная российская цивилистика: Г. Ф. Шершеневич (1995) рассматривал волеизъявление в традиции римского частного права как необходимое условие действительности сделки. В советской правовой науке данная тема получила глубокое доктринальное осмысление. И. Б. Новицкий (1954) разработал основополагающее учение о сделке, в котором воля и волеизъявление рассматриваются как взаимосвязанные, но самостоятельные категории. О. С. Иоффе (1967) развил это учение, показав, что пороки воли представляют собой самостоятельный класс оснований недействительности, принципиально отличающийся от иных дефектов сделок. Красавчиков (1985) систематизировал данные идеи в рамках общего учения о гражданско-правовых отношениях. Классическое исследование Рабиновича (1960) остается единственной в советской цивилистике монографией, специально посвященной последствиям недействительности сделок. Современный взгляд на проблему представлен в работе Скловского (2015), который показывает, что при оценке пороков воли необходимо учитывать не только субъективную составляющую, но и объективный контекст ситуации.

Применительно к казахстанской цивилистике доктринальную основу понимания недействительности сделок заложили работы Ю. Г. Басина (1998) и А. Г. Диденко (2006). Басин (1998) разработал общую концепцию сделки как волевого акта и обосновал, что действительность сделки предполагает не просто наличие волеизъявления, но и его соответствие подлинной, свободно сложившейся воле лица. Диденко (2006) системно проанализировал недействительность сделок в контексте общей части казахстанского гражданского права, разграничив ничтожные и оспоримые сделки и выявив критерии квалификации тех или иных пороков.

Наиболее полное исследование данной темы применительно к действующему казахстанскому праву представлено в работе Сулейменова (2024). Автор последовательно разбирает каждый вид порока воли, предусмотренный пунктом 9 статьи 159 ГК РК, и прямо констатирует, что в казахстанской правовой науке отсутствуют специальные исследования по вопросу признания сделок недействительными при угрозе совершить правомерные действия, а судебная практика по данному вопросу фактически не сложилась. Тем самым ученый фиксирует существенный пробел в доктрине и практике. Фундаментальную основу для понимания природы пороков воли создают постатейные комментарии Сулейменова (2007, 2022) к Гражданскому кодексу РК.

Проблема правомерной угрозы наиболее детально рассмотрена в российской доктрине. Карапетов (2016) представил развернутый политико-правовой анализ и пришел к выводу, что наиболее сбалансированным критерием является принцип добросовестности: правомерная угроза должна влечь недействительность сделки лишь тогда, когда её использование в конкретных обстоятельствах признаётся недобросовестным. Довбыш и Надворная (2024) акцентируют внимание на правоприменительных трудностях, указывая,

что высокий стандарт доказывания и отсутствие чекх-листов оценки существенно затрудняют защиту прав пострадавших.

Важным практическим источником служит Информационное письмо Президиума ВАС РФ № 162 (2013), в пункте 14 которого разъяснено, что угроза совершить правомерные действия может стать основанием для признания сделки недействительной при соблюдении определённых условий. Это разъяснение стало важным ориентиром для судебной практики России.

В сравнительно-правовом отношении принципиальное значение имеют Модельные правила европейского частного права – DCFR (von Bar & Clive, 2009), в которых признаётся, что угроза правомерными действиями при определённых условиях является основанием оспаривания сделки. Схожий подход закреплён в Принципах УНИДРУА (UNIDROIT, 2016) и в Принципах европейского договорного права (Lando & Beale, 2000). Треител (Treitel, 2003) детально анализирует английское учение о duress – принуждении при заключении договора – и показывает, что правомерное давление при определённых условиях также может иметь юридические последствия. Историческую основу данной концепции освещает Циммерманн (Zimmermann, 1996) в контексте римской традиции. М. И. Брагинский и В. В. Витрянский (2001) систематизировали общее учение о договоре, включая вопросы его недействительности, применительно к современному российскому праву. Общеметодологическую основу для такого сопоставления континентальной и общеправовой традиций создает классический труд К. Цвайгерта и Х. Кетца (2000), показывающих, что, несмотря на различия юридической техники, институты, защищающие автономию воли от недобросовестного давления, выполняют функционально сходную роль в разных правовых семьях.

Анализ перечисленных источников позволяет выявить следующий исследовательский пробел: несмотря на то что проблема правомерной угрозы поставлена в научной литературе, до сих пор отсутствует системный анализ конкретных критериев её разграничения с допустимым переговорным давлением применительно к казахстанскому праву. Настоящая работа призвана восполнить именно этот пробел.

Методология исследования

Исследование выполнено с применением комплекса методов, характерных для юридической науки.

Формально-юридический метод составил основу анализа нормативно-правовой базы. В рамках данного метода изучался текст пункта 9 статьи 159 ГК РК (1994) и смежных норм – статей 147, 157–162, 380 ГК РК, а также положений Уголовного кодекса РК (УК РК, 2014) и Гражданского процессуального кодекса РК (ГПК РК, 2015). Формально-юридический анализ позволил установить структуру правового регулирования и выявить имеющиеся пробелы.

Историко-правовой метод применялся при изучении генезиса института недействительности сделок с пороком воли – от классической романистики и дореволюционной российской цивилистики (Шершеневич, 1995) до советской правовой науки (Новицкий, 1954; Иоффе, 1967; Рабинович, 1960) и современного казахстанского права. Этот метод позволил выявить преемственность и трансформацию правовых подходов.

Сравнительно-правовой метод использовался при сопоставлении подходов

казахстанского, российского и европейского права к регулированию сделок с пороком воли. Особое внимание уделялось разъяснениям Президиума ВАС РФ (2013), а также DCFR (von Bar & Clive, 2009), Принципам УНИДРУА (UNIDROIT, 2016) и Принципам европейского договорного права (Lando & Beale, 2000). Сравнительный анализ позволил выявить общие тенденции и определить направления совершенствования казахстанского регулирования.

Телеологический метод применялся при толковании нормы пункта 9 статьи 159 ГК РК (1994): понятие «угроза» анализировалось с учётом цели соответствующего правового регулирования – защиты автономии воли участников гражданского оборота. Именно телеологическое толкование позволяет обосновать применимость данной нормы к случаям правомерной угрозы (Сулейменов, 2024; Карапетов, 2016).

Метод моделирования применялся для демонстрации практической значимости проблемы правомерной угрозы: в разделе «Правомерная угроза: постановка проблемы» смоделированы типичные деловые ситуации (переговоры о продаже доли в бизнесе под угрозой обращения в налоговый орган; взыскание долга под угрозой обращения в суд), на примере которых показано, как формально законное действие может деформировать волю стороны сделки. Моделирование позволило перейти от абстрактного нормативного анализа к конкретной иллюстрации актуальности темы.

SWOT-анализ использовался для оценки действующего казахстанского регулирования угрозы как основания недействительности сделки (пункт 9 статьи 159 ГК РК) в сравнении с международным ориентиром – статьей 3.2.6 Принципов УНИДРУА (UNIDROIT, 2016). Данный метод позволил систематизировать сильные и слабые стороны действующей нормы, а также возможности и риски её дальнейшего развития (см. раздел «Результаты исследования», Таблица 3).

Сбор данных осуществлялся путём изучения нормативных правовых актов, доктринальных источников, материалов судебной практики, а также открытых юридических баз данных – Параграф, КонсультантПлюс и Закон.ру. Анализ носил качественный характер: систематизация нормативного материала, выявление противоречий и пробелов, сопоставление позиций различных авторов, формулирование выводов и рекомендаций.

Результаты исследования

Изложение результатов строится не как простое описание видов пороков воли, а как последовательный ответ на поставленные во введении исследовательские вопросы. Сначала раскрывается общее понятие сделки и значение свободы воли, затем последовательно анализируется каждый вид порока – обман, насилие, неправомерная угроза, кабальная сделка, – и, наконец, центральное место занимает разбор наименее изученной проблемы: может ли угроза правомерными действиями служить самостоятельным основанием недействительности сделки.

Понятие сделки и значение свободы воли

Согласно статье 147 ГК РК (1994), сделка – это действие граждан и юридических лиц, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Из этого определения следует, что сделка есть прежде всего волевой акт: за каждым договором стоит решение человека, принятое им осознанно и свободно. Это положение лежит в фундаменте всего учения о недействительности сделок, восходящего к классической романистике и подробно разработанного в трудах Шершеневича (1995),

Новицкого (1954) и Иоффе (1967).

Принцип автономии воли – один из краеугольных камней частного права. Он означает, что никто не может быть принуждён к совершению сделки против своей воли. Статья 380 ГК РК (1994) прямо закрепляет принцип свободы договора и запрет на понуждение к его заключению. Однако одного лишь внешнего согласия – подписи на договоре – недостаточно для признания сделки действительной. Как указывает Скловский (2015), волеизъявление имеет юридическую силу лишь постольку, поскольку оно адекватно внутренней воле: в противном случае сделка порождает лишь видимость правовой связи.

Порок воли – это ситуация, когда между внутренней волей человека и его внешним волеизъявлением существует разрыв, либо когда сама воля была сформирована под воздействием недопустимых внешних факторов (Сулейменов, 2022). В обоих случаях закон предоставляет пострадавшей стороне право оспорить сделку. Все сделки с пороком воли, предусмотренные пунктом 9 статьи 159 ГК РК (1994), являются оспоримыми: для признания их недействительными необходимо обратиться в суд с соответствующим иском, право на подачу которого принадлежит исключительно потерпевшей стороне. Данное обстоятельство принципиально отличает оспоримые сделки от ничтожных, которые не порождают правовых последствий вне зависимости от предъявления иска.

Сделки, совершённые под влиянием обмана

Обман как основание недействительности сделки предполагает умышленное введение другой стороны в заблуждение с целью побудить её к заключению сделки. Принципиальное отличие обмана от обычного заблуждения (пункт 8 статьи 159 ГК РК, 1994) – наличие умысла: обманывающая сторона сознательно создаёт у контрагента неверное представление об обстоятельствах, существенных для принятия решения (Сулейменов, 2007). При заблуждении неверное представление могло сложиться по вине самого заблуждающегося, по неосторожности другой стороны или в силу случайных обстоятельств; при обмане же за искажённым восприятием стоит чужой умысел – что и обуславливает качественно иную правовую оценку.

Обман может выражаться как в активных действиях – сообщении ложных сведений, – так и в бездействии: намеренном умолчании об обстоятельствах, которые другая сторона имела право знать. Предметом обмана могут быть характер сделки, её субъекты, предмет, цена или иные существенные условия. При этом обман должен быть существенным: незначительное преувеличение достоинств товара при продаже, как правило, не образует достаточного основания для оспаривания. Если обман приобретает уголовно значимый характер, виновный может быть привлечен к ответственности по статье 190 УК РК (2014). При этом отсутствие уголовного производства не лишает потерпевшего права на гражданско-правовую защиту.

Сделки, совершённые под влиянием насилия

Насилие при совершении сделки – это применение к участнику физического или психического воздействия с целью принудить его к заключению сделки. Физическое насилие включает любые формы причинения физических страданий: побои, истязания, лишение свободы. Психическое насилие выражается в причинении душевных страданий – например, путём физического воздействия на близких жертвы (Сулейменов, 2007). По выражению Иоффе (1967), насилие представляет собой наиболее грубую форму воздействия на волю: пострадавший лишается всякой возможности свободного самоопределения, формально выражая согласие, которое является по существу вынужденным.

Насилие может исходить как непосредственно от другой стороны сделки, так и от

третьих лиц – при условии, что сторона сделки знала или должна была знать о применяемом насилии. Наличие уголовного дела не является обязательным условием для подачи гражданского иска: потерпевший может обратиться непосредственно в суд в порядке гражданского судопроизводства (ГПК РК, 2015). Уголовная ответственность за принуждение к совершению сделки предусмотрена статьёй 248 УК РК (2014). Совпадение субъектного состава гражданского и уголовного дела не является обязательным: гражданская недействительность сделки и уголовная ответственность виновного – самостоятельные правовые последствия, которые могут наступать независимо друг от друга.

Сделки, совершённые под влиянием угрозы

Угроза – это форма психического воздействия на человека, при которой ему или его близким обещают причинить вред в случае отказа от совершения сделки. В отличие от насилия, угроза воздействует на волю через страх: опасение лишиться жизни, свободы, здоровья, имущества или деловой репутации. В подавляющем большинстве случаев угроза является противоправной и влечёт уголовную ответственность – например, по статьям 115, 194, 248, 249 или 362 УК РК (2014).

Вместе с тем в законе отсутствует указание на то, что угроза непременно должна быть неправомерной. Пункт 9 статьи 159 ГК РК (1994) говорит просто об «угрозе» – без какого-либо ограничения по характеру угрожаемых действий. Как указывает Сулейменов (2024), это и открывает возможность для применения данной нормы к ситуациям правомерной угрозы. Согласно сложившимся в доктрине критериям, для признания сделки недействительной угроза должна быть: реальной (объективно осуществимой), существенной (её реализация причинила бы значительный ущерб), а также причинно обусловившей совершение сделки (Брагинский & Витрянский, 2001). При этом снизу представлены основные виды пороков воли для систематизации анализа:

Таблица 1

Основные виды пороков воли по п. 9 ст. 159 ГК РК (1994)

Вид порока воли	Характер воздействия	Форма выражения	Уголовная ответственность (УК РК, 2014)
Обман	Интеллектуальное (ложное представление)	Активные действия или умолчание	Ст. 190 (мошенничество)
Насилие	Физическое или психическое	Причинение страданий	Ст. 248 (принуждение к сделке)
Угроза (неправомерная)	Психическое запугивание незаконными действиями	Слова, письма, жесты	Ст. 194, 248, 249
Угроза (правомерная)	Психическое давление законными действиями	Обещание законных действий	Как правило, отсутствует

Кабальные условия	Использование тяжёлого положения стороны	Сделка на крайне невыгодных условиях	Ст. 248 (при наличии признаков)
-------------------	--	--------------------------------------	---------------------------------

Примечание. Составлено автором на основе ГК РК (1994), УК РК (2014), Сулейменов (2024).

Кабальная сделка

Кабальной признается сделка, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжёлых обстоятельств на крайне невыгодных для себя условиях, причём другая сторона этим воспользовалась. Для признания сделки кабальной необходимо одновременное наличие трех условий: стечение тяжёлых обстоятельств у пострадавшего (серьезная болезнь, потеря работы, срочная необходимость погасить долг); крайняя невыгодность условий сделки (явное несоответствие цены реальной стоимости имущества, существенный дисбаланс взаимных предоставлений); осознанное использование контрагентом этих обстоятельств (Сулейменов, 2022). При отсутствии хотя бы одного из указанных условий сделка кабальной признана быть не может.

Принципиальное отличие кабальной сделки от сделки, совершенной под угрозой, состоит в следующем: при кабальной сделке воля лица в целом совпадает с его волеизъявлением – оно понимает невыгодность условий и сознательно соглашается на них, однако делает это не свободно, а под давлением тяжёлых обстоятельств. Именно поэтому такая воля признается порочной. Согласно позиции Сулейменова (2024), кабальной может быть признана любая сделка – не только купля-продажа, но и аренда, займ, цессия и даже дарение. Концепция кабальной сделки соотносится с доктриной *unconscionability* в английском праве и *laesio enormis* в романской традиции (Zimmermann, 1996; Treitel, 2003), хотя и не совпадает с ними по содержанию, поскольку казахстанское право дополнительно требует осознанного использования чужих затруднений.

Правомерная угроза: постановка проблемы

Среди всех оснований недействительности сделок с пороком воли именно правомерная угроза вызывает наибольшее число вопросов. Применяя метод моделирования, рассмотрим несколько типичных ситуаций. Владелец бизнеса в ходе переговоров о продаже своей доли слышит: «Если вы не продадите долю по нашей цене, мы передадим в налоговую службу материалы о ваших нарушениях». Обращение в налоговый орган – законное право любого лица. Тем не менее продавец под давлением угрозы подписывает договор на невыгодных условиях. Другой пример: кредитор говорит должнику: «Заключи новый договор на моих условиях – или я подам в суд с требованием о взыскании долга и аресте имущества». Подача в суд – законное право кредитора (пункт 2 статьи 349 ГК РК, 1994). Но должник соглашается на невыгодный договор.

Сулейменов (2024) выделяет особо сложный случай: когда сторона, обладающая административным ресурсом или коррупционными связями, угрожает инициировать уголовное преследование контрагента как рычаг давления при переговорах о продаже бизнеса. Формально это может выглядеть как правомерная угроза обратиться в правоохранительные органы. Но по существу – это злоупотребление правом, которое автор называет «латентной неправомерной угрозой»: угроза лишь внешне выглядит правомерной, поскольку реальный умысел направлен на незаконное принуждение. Данный феномен наглядно демонстрирует, что граница между правомерной и неправомерной угрозой может

быть весьма тонкой и зависит от конкретного умысла угрожающего.

Во всех описанных ситуациях угрожающее лицо действует формально в рамках закона. Однако другая сторона лишается подлинной свободы выбора: она подписывает договор не потому, что хочет этого, а потому что боится последствий отказа. Это означает, что ее воля деформирована в той же мере, что и при неправомерной угрозе, – а значит, цель нормы о пороке воли требует предоставления ей правовой защиты.

Правовые основания для оспаривания сделки при правомерной угрозе

Ключевой аргумент в пользу возможности оспаривания сделки при правомерной угрозе – систематическое толкование пункта 9 статьи 159 ГК РК (1994). Данная норма не содержит указания на то, что угроза должна быть неправомерной. Если бы законодатель хотел ограничить данное основание только случаями неправомерной угрозы, он прямо указал бы на это. Кроме того, в той же норме рядом стоит «кабальная сделка»: условия кабального договора могут быть вполне законными, однако это не лишает пострадавшего права на оспаривание. По аналогии, законность угрожаемых действий сама по себе не должна служить препятствием для признания сделки недействительной.

Помимо буквального, важен и телеологический аргумент: цель нормы – защита автономии воли. Правовое значение имеет не столько характер угрожаемых действий, сколько то воздействие, которое угроза оказала на волю потерпевшего. Аналогичный подход закреплен в российской судебной практике: Президиум ВАС РФ (2013) в пункте 14 Информационного письма № 162 разъяснил, что угроза совершить правомерные действия является основанием для признания сделки недействительной, если она деформировала волю другой стороны и если угрожаемые действия не связаны напрямую с существом оспариваемого договора.

Принцип добросовестности, закрепленный в статье 8 ГК РК (1994), обязывает участников гражданского оборота действовать добросовестно и не допускать злоупотребления правом. Использование правомерных инструментов в целях, не соответствующих их назначению, – как раз и есть такое злоупотребление. Карапетов (2016) предлагает прямо закрепить этот критерий: правомерная угроза должна квалифицироваться как основание недействительности лишь тогда, когда ее использование в данных обстоятельствах являлось недобросовестным переговорным рычагом. Принципы УНИДРУА (UNIDROIT, 2016) в статье 3.2.6 и DCFR (von Bar & Clive, 2009) придерживаются схожей позиции, признавая, что угроза правомерными действиями может признаваться основанием оспаривания сделки при условии ее несправедливого характера с учётом конкретных обстоятельств.

Критерии оценки правомерной угрозы как основания недействительности

Таблица 2

Критерии оценки правомерной угрозы как основания недействительности сделки

Критерий	Содержание	Пример
1. Реальность угрозы (субъективный аспект)	Пострадавший воспринимал угрозу как осуществимую с учетом возможностей	Контрагент располагает административным ресурсом или связями в правоохранительных органах

	угрожающего (Сулейменов, 2024)	
2. Реальность угрозы (объективный аспект)	Угроза была объективно осуществимой исходя из фактических обстоятельств (Довбыш & Надворная, 2024)	Угрожающий действительно мог обратиться в суд или контролирующие органы
3. Несвязанность с существом сделки	Угрожаемые действия не вытекают из существа оспариваемого договора (Президиум ВАС РФ, 2013)	Угроза взыскать долг по одному договору как рычаг при заключении другого, не связанного с первым
4. Деформация воли	Без угрозы сделка не была бы заключена на этих условиях (Карапетов, 2016)	Стороны признают, что до угрозы переговоры зашли в тупик
5. Недобросовестность	Использование угрозы нарушает принципы добросовестности и честной деловой практики (von Bar & Clive, 2009)	Угроза уголовным преследованием как инструмент принудительного поглощения бизнеса

Примечание. Составлено автором на основе Сулейменов (2024), Карапетов (2016), Президиум ВАС РФ (2013), von Bar & Clive (2009).

SWOT-анализ действующего регулирования угрозы как основания недействительности сделки

Для оценки перспектив развития действующего регулирования целесообразно применить SWOT-анализ, сопоставив пункт 9 статьи 159 ГК РК (1994) с международным ориентиром – статьей 3.2.6 Принципов УНИДРУА (UNIDROIT, 2016), которая прямо описывает угрозу неправомерными, а в отдельных случаях и правомерными действиями как основание оспаривания договора. Такое сопоставление позволяет увидеть не только текущие сильные и слабые стороны казахстанской нормы, но и возможности, а также риски её дальнейшего развития (Таблица 3).

Таблица 3

SWOT-анализ п. 9 ст. 159 ГК РК в сравнении со ст. 3.2.6 Принципов УНИДРУА

Фактор	Содержание
Strengths (сильные стороны)	Формулировка п. 9 ст. 159 ГК РК не содержит ограничения по характеру угрожаемых действий, что – при системном и телеологическом толковании – уже сегодня позволяет подвести случаи правомерной

	угрозы под действующую норму без изменения текста закона.
Weaknesses (слабые стороны)	В отличие от ст. 3.2.6 Принципов УНИДРУА, в норме отсутствуют закрепленные критерии (реальность, несвязанность с существом сделки, недобросовестность), а официальные разъяснения и судебная практика по вопросу правомерной угрозы в Казахстане не сложились, что порождает правовую неопределённость.
Opportunities (возможности)	Сближение с УНИДРУА и DCFR через нормативное постановление Верховного суда РК открывает возможность закрепить четкие критерии без изменения текста ГК РК, что укрепит интеграцию казахстанского права в международные стандарты (включая контекст ЕАЭС).
Threats (риски)	Без своевременного закрепления критериев расширительное толкование понятия «правомерная угроза» может создать почву для злоупотреблений недобросовестными должниками и снизить предсказуемость гражданского оборота.

Примечание. Составлено автором на основе ГК РК (1994), UNIDROIT (2016).

Граница между допустимым давлением и недобросовестной угрозой

Признание правомерной угрозы основанием недействительности сделки порождает закономерный вопрос: где проходит граница между допустимым переговорным давлением и недопустимой угрозой? В деловой практике стороны нередко указывают на возможные правовые последствия своих действий – и это обычная, вполне законная тактика. Разграничение допустимого и недопустимого давления принципиально важно для устойчивости гражданского оборота: слишком широкое толкование понятия «правомерная угроза» создаст условия для злоупотреблений со стороны недобросовестных должников.

Анализ доктрины и судебной практики позволяет предложить следующий критерий разграничения. Переговорное давление является допустимым, когда угрожаемые действия прямо связаны с существом заключаемой или уже существующей сделки: например, кредитор предупреждает должника о том, что при неисполнении обязательства обратится в суд за взысканием. Напротив, угроза становится недопустимой, когда угрожаемые действия не имеют связи с заключаемой сделкой и направлены исключительно на то, чтобы вынудить другую сторону согласиться на невыгодные условия (Карапетов, 2016; Президиум ВАС РФ, 2013).

Особый случай, который выделяет Сулейменов (2024), – ситуация, когда сторона угрожает привлечь контрагента к ответственности за нарушение обязательств по уже существующему договору, если тот не заключит новый. Такая ситуация, по его мнению, не должна автоматически влечь недействительность нового договора, поскольку угрожаемые действия прямо связаны с существующими правоотношениями сторон. По существу, это переговорное предложение об обмене: отказ от права требовать ответственности в обмен на заключение нового договора – что соответствует принципу автономии воли (пункт 2 статьи 2 ГК РК, 1994) при условии обоснованности угрожаемых требований.

Дополнительным ориентиром служит сравнительный анализ: в английском праве доктрина *economic duress* (Treitel, 2003) разграничивает *legitimate commercial pressure* и *illegitimate pressure* именно по критерию добросовестности и обоснованности применяемых

средств. Принципы европейского договорного права (Lando & Beale, 2000) также исходят из того, что угроза правомерными действиями не является автоматически допустимой – решающую роль играет то, насколько такое поведение соответствует стандарту разумного участника оборота. Эти подходы свидетельствуют о конвергенции правовых систем в данной области и могут служить методологическим ориентиром для казахстанских судов при формировании соответствующей практики.

Доказывание по делам об оспаривании сделок, совершённых под влиянием угрозы

Практика показывает, что доказывание по делам данной категории является наиболее сложным аспектом применения института (Довбыш & Надворная, 2024). Согласно статье 72 ГПК РК (2015), каждая сторона обязана доказывать те обстоятельства, на которые она ссылается. Это означает, что бремя доказывания угрозы и её влияния на волю лежит на истце.

Пострадавший должен доказать: факт угрозы; ее реальность как субъективную (угроза воспринималась как осуществимая), так и объективную (угрозу можно было реально осуществить); причинно-следственную связь между угрозой и заключением сделки; деформацию своей воли, то есть то, что без угрозы сделка не была бы заключена на данных условиях. В делах о правомерной угрозе к этому добавляется необходимость доказать несвязанность угрожаемых действий с существом сделки и недобросовестность угрожавшей стороны. Средствами доказывания могут служить переписка (электронная почта, мессенджеры), показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, а также косвенные доказательства – в частности, явная невыгодность условий сделки по сравнению с рыночными (Сулейменов, 2024).

При этом срок исковой давности составляет один год со дня прекращения угрозы либо со дня, когда истец узнал или должен был узнать об обстоятельствах, являющихся основанием для оспаривания (пункт 2 статьи 162 ГК РК, 1994). Данный срок является специальным, сокращённым по отношению к общему трёхлетнему сроку исковой давности, что объясняется стремлением законодателя к стабильности гражданского оборота.

Обсуждение

Проведённое исследование позволяет прийти к нескольким важным выводам, имеющим как теоретическое, так и практическое значение.

Во-первых, институт недействительности сделок с пороком воли выполняет принципиальную защитную функцию в системе гражданского права. Он обеспечивает реализацию принципа автономии воли – одного из фундаментальных начал частноправового регулирования (ГК РК, 1994). Именно этим объясняется необходимость последовательного применения данного института, в том числе в ситуациях, которые формально не кажутся очевидными, – как в случае с правомерной угрозой.

Во-вторых, настоящее исследование подтверждает выдвинутую гипотезу: правомерная угроза при определенных условиях является основанием для признания сделки недействительной по пункту 9 статьи 159 ГК РК (1994). Этот вывод основан на системном и телеологическом толковании нормы, на общем принципе добросовестности и согласуется с позицией Президиума ВАС РФ (2013), с концепцией Карапетова (2016) и с общеевропейскими тенденциями, отражёнными в DCFR (von Bar & Clive, 2009) и Принципах УНИДРУА (UNIDROIT, 2016).

В-третьих, центральным критерием для разграничения допустимого переговорного давления и недопустимой правомерной угрозы является принцип добросовестности в сочетании с критерием связи угрожаемых действий с существом оспариваемой сделки. Угроза является допустимой, если угрожаемые действия прямо вытекают из существующих правоотношений сторон. Она становится недопустимой, когда используется как самостоятельный инструмент давления, никак не связанный с заключаемой сделкой (Карапетов, 2016; Сулейменов, 2024).

Новизна проведенного исследования состоит в том, что впервые в контексте казахстанского права системно сформулированы критерии разграничения допустимого переговорного давления и недопустимой правомерной угрозы, предложена их классификация и определено соотношение с принципом добросовестности.

Практическая значимость исследования определяется отсутствием в Казахстане единообразной судебной практики и официальных разъяснений по данному вопросу, что создаёт правовую неопределенность для участников оборота. На основе проведенного анализа формулируются следующие практические рекомендации. Верховному суду Республики Казахстан целесообразно дополнить нормативное постановление о недействительности сделок (2016) специальным разделом, посвящённым угрозе правомерными действиями, закрепив критерии её разграничения с допустимым переговорным давлением. Судам при рассмотрении дел данной категории рекомендуется устанавливать как субъективный, так и объективный критерии реальности угрозы (Сулейменов, 2024), а также оценивать наличие признаков недобросовестности с учетом всей совокупности обстоятельств дела. Законодателю целесообразно рассмотреть возможность прямого указания в пункте 9 статьи 159 ГК РК на то, что понятие «угроза» охватывает как правомерные, так и неправомерные действия.

Вместе с тем необходимо оговорить ограничения настоящего исследования. Ввиду отсутствия опубликованной судебной практики казахстанских судов по данному вопросу анализ главным образом опирается на доктринальные источники и сравнительно-правовые данные. По мере формирования казахстанской судебной практики предложенные критерии потребуют эмпирической верификации и возможной корректировки.

Заключение

Недействительность сделок с пороком воли – это не абстрактная теоретическая конструкция. За каждым иском об оспаривании подобной сделки стоит реальная история человека, которого обманули, запугали или воспользовались его беспомощным положением. Именно поэтому данный институт заслуживает пристального внимания как со стороны законодателя, так и со стороны правоприменителей.

Обман, насилие, угроза и кабальные условия образуют систему оснований недействительности сделок с пороком воли, закреплённую в пункте 9 статьи 159 ГК РК (1994). Все эти основания объединяет одно: воля пострадавшего при заключении сделки не была свободной. Каждое из них имеет собственный механизм воздействия на волю и собственную систему условий оспаривания, что требует дифференцированного подхода как в теории, так и в правоприменении.

Центральный вывод исследования касается правомерной угрозы. Угроза совершить правомерные действия может и должна признаваться основанием для оспаривания сделки по

казахстанскому праву при совокупности следующих условий: угроза реально деформировала волю пострадавшего; угрожаемые действия не связаны с существом заключенной сделки; использование угрозы нарушало принципы добросовестности гражданского оборота. Граница между допустимым переговорным давлением и недопустимой угрозой проходит именно по этим критериям (Карапетов, 2016; Сулейменов, 2024; Президиум ВАС РФ, 2013). Данный вывод находит подтверждение в сравнительно-правовом материале: DCFR, Принципы УНИДРУА и Принципы европейского договорного права (Lando & Beale, 2000) придерживаются аналогичных позиций, что свидетельствует о конвергентном характере данной тенденции в международном частном праве.

Существенным является и вывод о пробеле в казахстанском праве: вопрос о правомерной угрозе как основании недействительности сделки остается неурегулированным на уровне официальных разъяснений. Как отмечает Сулейменов (2024), для устранения этого пробела следовало бы дополнить действующее нормативное постановление Верховного суда РК (2016) либо разработать новое, более детально регулирующее все случаи недействительности сделок с пороком воли.

Обозначенные выше направления дальнейшей работы допускают не только постановку, но и конкретизацию в виде самостоятельных авторских предложений.

Применительно к устойчивости судебного подхода предлагается не просто «изучать» практику, а закрепить за Верховным судом РК обязанность обобщать первые дела о правомерной угрозе уже на стадии их появления – по аналогии с обзорами Президиума ВАС РФ, – чтобы критерии разграничения формировались не стихийно, а целенаправленно. В части распределения бремени доказывания целесообразно ввести опровержимую презумпцию недобросовестности угрожавшей стороны при одновременном наличии явного неравенства переговорных позиций и существенной невыгодности условий сделки: это переносит на угрожающую сторону обязанность доказать добросовестность своих действий и снижает чрезмерную нагрузку на пострадавшего. Сравнительное изучение в рамках ЕАЭС предлагается вести не абстрактно, а через конкретный механизм – разработку модельного акта (рекомендательного характера) для государств-членов, унифицирующего критерии правомерной угрозы по подходу, отражённым в DCFR. Соотношение с принципом эстоппель предлагается решать следующим образом: если потерпевшая сторона длительное время добровольно исполняла сделку и не заявляла о пороке воли, она утрачивает право на последующее оспаривание, – такой механизм одновременно защищает автономию воли и стабильность гражданского оборота. Наконец, превентивную роль нотариального удостоверения предлагается реализовать через введение обязательной нотариальной формы для сделок с высокой стоимостью предмета (например, отчуждение доли участия в бизнесе) – именно той категории сделок, в которой, как показано в настоящей статье, риск правомерной угрозы наиболее высок.

Таким образом, необходимость дальнейшего развития и конкретизации данного института в казахстанском праве не вызывает сомнений. Выводы и рекомендации настоящей статьи могут служить отправной точкой как для законотворческой работы, так и для дальнейших научных исследований в данной области.

Список литературы

- Агарков, М. М. (1946). Понятие сделки по советскому гражданскому праву. Советское государство и право, (3–4), 41–55.
- Басин, Ю. Г. (1998). Сделки: Учебное пособие. Адилет-пресс.
- Брагинский, М. И., & Витрянский, В. В. (2001). Договорное право. Общие положения (3-е изд.). Статут.
- Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г. (1994). <https://prg.kz/>
- Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. (2015). <https://prg.kz/>
- Диденко, А. Г. (2006). Гражданское право. Общая часть: Курс лекций. Нур-пресс.
- Довбыш, Д. Р., & Надворная, А. А. (2024). Недействительность сделки, совершённой под влиянием обмана, насилия или неблагоприятных обстоятельств. Научные высказывания, 11(58), 93–97.
- Иоффе, О. С. (1967). Советское гражданское право: Курс лекций. В 3 ч. Ч. 1. Ленинградский государственный университет.
- Карпетов, А. Г. (2016, 3 апреля). Угроза совершения правомерных действий как основание для признания сделки недействительной: политико-правовой анализ. Закон.ру. https://zakon.ru/blog/2016/4/3/ugroza_oversheniya_pravomernyh_dejstvij_kak_osnovanie_dlya_priznaniya_sdelki_nedejstvitelnoj_politi_42736
- Красавчиков, О. А. (Ред.). (1985). Советское гражданское право: В 2 т. Т. 1. Высшая школа.
- Lando, O., & Beale, H. (Eds.). (2000). Principles of European Contract Law: Parts I and II. Kluwer Law International.
- Новицкий, И. Б. (1954). Сделки. Исковая давность. Государственное издательство юридической литературы.
- Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 7 июля 2016 г. № 6 «О некоторых вопросах недействительности сделок и применения судами последствий их недействительности». (2016). https://prg.kz/document/?doc_id=39073607
- Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. (2013). Информационное письмо № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» от 10 декабря 2013 г. <https://www.consultant.ru/>
- Рабинович, Н. В. (1960). Недействительность сделок и её последствия. Издательство Ленинградского государственного университета.
- Скловский, К. И. (2015). Сделка и её действие. Комментарий главы 9 ГК (Сделки). Статут.
- Сулейменов, М. К. (Ред.). (2007). Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть). Комментарий (постатейный): В 2 книгах. Книга 1 (3-е изд., испр. и доп.). НИИ частного права Каспийского университета.
- Сулейменов, М. К. (Ред.). (2022). Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть). Комментарий (постатейный): В четырёх книгах. Книга 2. НИИ частного права Каспийского университета.
- Сулейменов, М. К. (2024, 22 июня). Основания недействительности сделки, связанные с

пороками воли при её заключении. Параграф.
https://prg.kz/document/?doc_id=39642015

Treitel, G. H. (2003). The law of contract (11th ed.). Sweet & Maxwell.

Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. (2014). <https://prg.kz/>

Цвайгерт, К., & Кётц, Х. (2000). Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права (Т. 1). Международные отношения.

UNIDROIT. (2016). Принципы УНИДРУА международных коммерческих договоров 2016 года. UNIDROIT. <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016/>

von Bar, C., & Clive, E. (Eds.). (2009). Principles, definitions and model rules of European private law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Outline Edition. Sellier European Law Publishers.

Шершеневич, Г. Ф. (1995). Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 года). Спарк.

Zimmermann, R. (1996). The law of obligations: Roman foundations of the civilian tradition. Oxford University Press.

References

Agarkov, M. M. (1946). Ponjatie sdelki po sovetskomu grazhdanskomu pravu. Sovetskoe gosudarstvo i pravo, (3–4), 41–55.

Basin, Ju. G. (1998). Sdelki: Uchebnoe posobie. Adilet-press.

Braginskij, M. I., & Vitrijanskij, V. V. (2001). Dogovornoe pravo. Obshhie polozhenija (3-e izd.). Statut.

Cvajgert, K., & Kjotc, H. (2000). Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava (T. 1). Mezhdunarodnye otnoshenija.

Didenko, A. G. (2006). Grazhdanskoe pravo. Obshhaja chast': Kurs lekcij. Nur-press.

Dovbysh, D. R., & Nadvornaja, A. A. (2024). Nedejstvitel'nost' sdelki, sovershjonnoj pod vlijaniem obmana, nasiliya ili neblagoprijatnyh obstojatel'stv. Nauchnye vyskazyvaniya, 11(58), 93–97.

Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Obshhaja chast') ot 27 dekabrya 1994 g. (1994). <https://prg.kz/>

Grazhdanskij processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 31 oktjabrya 2015 g. (2015). <https://prg.kz/>

Ioffe, O. S. (1967). Sovetskoe grazhdanskoe pravo: Kurs lekcij. V 3 ch. Ch. 1. Leningradskij gosudarstvennyj universitet.

Karapetov, A. G. (2016, 3 aprelja). Ugroza sovershenija pravomernyh dejstvij kak osnovanie dlja priznaniya sdelki nedejstvitel'noj: politiko-pravovoj analiz. Zakon.ru. https://zakon.ru/blog/2016/4/3/ugroza_oversheniya_pravomernyh_dejstvij_kak_osnovanie_dlya_priznaniya_sdelki_nedejstvitel'noj_politi_42736

Krasavchikov, O. A. (Red.). (1985). Sovetskoe grazhdanskoe pravo: V 2 t. T. 1. Vysshaja shkola.

Lando, O., & Beale, H. (Eds.). (2000). Principles of European Contract Law: Parts I and II. Kluwer Law International.

Normativnoe postanovlenie Verhovnogo suda Respubliki Kazahstan ot 7 ijulja 2016 g. № 6 «O nekotoryh voprosah nedejstvitel'nosti sdelok i primenenija sudami posledstvij ih

- nedejstvitel'nosti». (2016). https://prg.kz/document/?doc_id=39073607
- Novickij, I. B. (1954). Sdelki. Iskovaja davnost'. Gosudarstvennoe izdatel'stvo juridicheskoy literatury.
- Prezidium Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. (2013). Informacionnoe pis'mo № 162 «Obzor praktiki primeneniya arbitrazhnymi sudami statej 178 i 179 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» ot 10 dekabrya 2013 g. <https://www.consultant.ru/>
- Rabinovich, N. V. (1960). Nedejstvitel'nost' sdelok i ejo posledstvija. Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Shershenevich, G. F. (1995). Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniyu 1907 goda). Spark.
- Sklovskij, K. I. (2015). Sdelka i ejo dejstvie. Kommentarij glavy 9 GK (Sdelki). Statut.
- Sulejmenov, M. K. (2024, 22 iyunja). Osnovaniya nedejstvitel'nosti sdelki, svjazannye s porokami voli pri ejo zakljuchenii. Paragraf. https://prg.kz/document/?doc_id=39642015
- Sulejmenov, M. K. (Red.). (2007). Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Obshhaja chast'). Kommentarij (postatejnyj): V 2 knigah. Kniga 1 (3-e izd., ispr. i dop.). NII chastnogo prava Kaspijskogo universiteta.
- Sulejmenov, M. K. (Red.). (2022). Grazhdanskij kodeks Respubliki Kazahstan (Obshhaja chast'). Kommentarij (postatejnyj): V chetyrjoh knigah. Kniga 2. NII chastnogo prava Kaspijskogo universiteta.
- Treitel, G. H. (2003). The law of contract (11th ed.). Sweet & Maxwell.
- Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 3 ijulja 2014 g. (2014). <https://prg.kz/>
- UNIDROIT. (2016). Principy UNIDRUA mezhdunarodnyh kommercheskih dogovorov 2016 goda. UNIDROIT. <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016/>
- von Bar, C., & Clive, E. (Eds.). (2009). Principles, definitions and model rules of European private law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Outline Edition. Sellier European Law Publishers.
- Zimmermann, R. (1996). The law of obligations: Roman foundations of the civilian tradition. Oxford University Press.

FTAMP: 10.27.41

Ерік ақауы бар мәмілелердің жарамсыздығы

Жәмила Келденбаева
Нотариустың көмекшісі, Түркістан, Қазақстан
email: 251401001@sdu.edu.kz

Аңдатпа

Бұл мақала Қазақстан азаматтық құқығындағы практикалық тұрғыдан аса маңызды, сонымен бірге жеткілікті деңгейде зерттелмеген бағыттардың бірі — ерік ақауы негізінде жасалған мәмілелердің жарамсыздығы институтын зерттеуге арналған. Жұмыста Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексінің 159-бабының 9-тармағында көзделген ерік ақауларының негізгі түрлері — алдау, күш қолдану, қорқыту және кіріптар мәмілелер жағдайлар талданады. Ерекше назар мәмілені құқыққа сай қатер төндіру негізінде жарамсыз деп тану мәселесіне аударылады, яғни өзі заңсыз

болып табылмайтын әрекеттерді жасау қаупімен байланысты жағдайлар қарастырылады. Дәл осы мәселе қазақстандық құқықтық доктринада да, сот тәжірибесінде де ең аз зерттелген бағыттардың бірі болып табылады. Қолданыстағы заңнама нормаларын, доктриналық дереккөздерді және сот тәжірибесінің материалдарын талдау негізінде мақалада рұқсат етілетін келіссөз қысымы мен адал емес қорқытудың аражігін ажырату критерийлері ұсынылады. Сонымен қатар, осы саладағы нормативтік реттеуді және құқық қолдану тәжірибесін жетілдіруге бағытталған нақты ұсынымдар тұжырымдалады. Зерттеу нәтижелері заңгерлер, судьялар және азаматтық айналым қатысушылары үшін практикалық маңызға ие.

Кілт сөздер: мәмілелердің жарамсыздығы; ерік ақауы; қорқыту; құқыққа сай қорқыту; кіріптар мәміле; дауланатын мәмілелер

IRSTI: 10.27.41

Invalidity of transactions: legal consequences and issues of judicial practice

Zhamilya Keldenbayeva

Notary Assistant, Turkistan, Kazakhstan

email: 251401001@sdu.edu.kz

Abstract

This article is devoted to the study of the institution of invalidity of transactions concluded with defects of will, which represents one of the most practically significant yet insufficiently developed areas of civil law in Kazakhstan. The paper analyzes the main types of defects of will provided for in paragraph 9 of Article 159 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan: fraud, violence, threat, and unconscionable (onerous) terms. Particular attention is paid to the issue of recognizing a transaction as invalid due to a lawful threat—that is, a threat to perform actions that are not unlawful in themselves. This issue remains the least explored both in Kazakh legal doctrine and in judicial practice. Based on the analysis of current legislation, doctrinal sources, and case law materials, the article proposes criteria for distinguishing permissible negotiation pressure from bad-faith threats. Specific recommendations are formulated to improve regulatory provisions and law enforcement practice in this area. The results of the study have practical value for lawyers, judges, and participants in civil turnover.

Keywords: invalidity of transactions; defect of will; threat; lawful threat; unconscionable transaction; voidable transactions.

Дата поступления: 9 май, 2026